

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Происхождение коммунистического режима: от «советской демократии» к однопартийной диктатуре*

Часть 1

Андрей Медушевский

Происхождение коммунистического режима было и остается темой острых дебатов не только среди историков, но политиков и юристов в контексте советской правовой традиции и формирования посткоммунистического переходного режима. Широко распространенный миф о Советах как интегральных институтах непосредственной демократии до сих пор вдохновляет левые идеологические проекты и даже поправки к действующему Основному закону. Демистификация советской легенды возможна лишь путем основательного исследования генезиса, структурного места и реальной роли Советов в революционном управлении. На основе архивных документов Конституционной комиссии 1918 года автор, реконструируя процесс формирования советского феномена, показывает его историческое место и доказывает, что «демократический» потенциал Советов был далек от приписываемого ему идеала.

→ *Коммунизм; большевизм; демократия; Конституция РСФСР 1918 года; избирательная система; местное самоуправление; однопартийная диктатура*

Переосмысление коммунистического эксперимента заставляет обратиться к истокам его формирования. Одним из распространенных стереотипов в интернациональной литературе является тезис о том, что Советы, составлявшие основу политической системы СССР, были демократическим институтом государственного управления на начальной стадии революционного переворота и лишь позднее утратили это качество с утверждением большевистской диктатуры¹. В основе данного «перерождения» лежал процесс «бюрократизации» Советов, завершившийся созданием номенклатуры однопартийного режима².

Современная реабилитация «советского феномена» привела ряд исследователей (М. Левин) к парадоксальному тезису: результаты функционирования советской бюрократии будто бы «неизменно оказываются блестящими — и иногда просто удивительными»³. Представленное в современной интернациональной историографии течением «новая культурная история»⁴ апологетическое направление отказывается видеть в большевистской революции моральную катастрофу, а его подход начинает все больше напоминать официальную советскую исто-

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0014), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015–2016 годах.

¹ См.: The Russian Revolution: The Essential Readings / ed. by M. A. Miller. London : Blackwell Publishers, 2011.

² См.: Ferro M. Des Soviets au communisme bureaucratique. Les mécanismes d'une subversion. Paris : Galli-

mard, 1980; Ferro M. La Naissance du Systeme Bureaucratique en U.R.S.S. // Tsarisme. Bolchévisme. Stalénisme. Paris : Institut d'Etudes Slaves, 1990.

³ Левин М. Советский век. М. : Европа, 2008. С. 243.

⁴ См.: Шевырин В. М. Революции 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии (Обзор) // Труды по русистике: сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2009. Вып. 1. С. 309–337.

риографию, усматривавшую в создании Советов невиданный в истории «пример массового революционного созидания» новой государственности⁵. Ряд российских авторов в свою очередь продолжают настойчиво утверждать, что советская форма государственного устройства представляет «цивилизационный выбор» страны, означает осознанный отказ от «западного парламентаризма», соответствует неким самобытным российским традициям непосредственной демократии, и хотя она полностью не раскрыла свой демократический потенциал (в силу ее извращения партийной номенклатурой), реализация его возможна в будущем⁶. В русле этой логики уже предложен ряд популистских конституционных поправок, направленных на радикальную трансформацию основ постсоветского политического строя.

В связи с этим сегодня актуален поиск ответов на следующие вопросы: откуда взялась идея советской системы; каковы были альтернативные концепции ее интерпретации; как соотносились в ней первоначальные идеологические установки и их юридическое оформление; первая советская Конституция РСФСР 1918 года лишь фиксировала спонтанно возникшие отношения или целенаправленно формировала их; почему эта система сохранялась так долго?

В статье раскрывается формирование замысла о создании Республики Советов, исследуются его реализации и последующая динамика изменений. Центральным элементом анализа является ответ на вопрос: были ли Советы изначально институтами политической власти?

1. Советы как институт коммунистического самоуправления

Разрабатывая основы нового государственного и общественного строя в 1918 году, идеологи коммунистической революции руководствовались общей идеей о необходимости преодоления принципов парламентаризма и разделения властей в рамках непосредствен-

ной или так называемой «работающей» демократии. Идея «Государства-Коммуны» как особой формы общественно-политического строя переходного периода, намеченной в проектах Парижской коммуны 1871 года, получила распространение в европейской левой социал-демократии накануне Первой мировой войны. Миф Коммуны в его интерпретации К. Марксом и П. Прудомом оказался наиболее популярен в различных течениях европейского и русского анархо-синдикализма, оказав существенное влияние на традицию русского радикального народничества. Идеологи народничества и анархизма А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин понимали коммунистическую революцию как спонтанное социальное движение, способное разрушить существующий тип государства (в том числе парламентского) и создать новые формы непосредственной демократии — народного самоуправления («самоуправляющиеся коммуны»), становящегося прообразом справедливого (или бесклассового) общества будущего. В историческом опыте Французской революции и Коммуны революционные народники усматривали модель такого общества для России, где утверждение коммунизма или построение особого «русского социализма» облегчается коллективистско-уравнительными стереотипами крестьянского сознания, развитыми традициями общинной демократии и неискушенностью масс, способных некритически следовать за революционным авангардом. О том, как будет осуществляться управление в этом новом обществе, они говорили очень мало, полагая, что новые формы самоуправления станут результатом не внешнего юридического конструирования, но «революционного творчества» самих масс. Большевик оказался чрезвычайно восприимчив к этому наследию, выразив при этом традиционализм русского аграрного общества. «То, — писал П. Н. Милуков о большевистской революции, — что поражает в современных событиях постороннего зрителя, что вполне является для него разгадкой векового молчания “сфинкса”, русского народа, то давно было известно социологу — исследователю русской исторической эволюции, Ленин и Троцкий для него возглавляют движение, гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову — к 18-му и 17-му векам нашей истории,

⁵ См.: *Городецкий Е. Н.* Рождение советского государства. М.: Наука, 1987. С. 14.

⁶ См., например: *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001. Т. 1.

чем к последним словам европейского анархо-синдикализма»⁷.

В ходе большевистской революции миф Коммуны претерпел существенную эволюцию. В книге В. И. Ленина «Государство и революция», написанной до захвата власти, содержание революционного процесса определяется как разрушение парламентаризма и установление «демократической Республики типа Коммуны», хотя и с оговоркой о необходимости сохранения на переходный период государственной власти для подавления контрреволюции⁸. В дальнейшем, начиная с весны 1918 года (в ситуации «военного коммунизма»), анархо-синдикалистский компонент ленинской идеологии уступает место государственному — идее о необходимости временного «отступления от принципов Парижской коммуны и всякой пролетарской власти» в условиях переходного периода, когда необходима диктатура — «железная власть», смелая, быстрая и беспощадная в подавлении врагов режима⁹. В конечном счете (к 1920 году и особенно после Кронштадтского восстания 1921 года) анархический компонент совершенно отбрасывается и эта эволюция ленинизма завершается однозначной апологией диктатуры, характеризующейся «полной централизацией и строжайшей дисциплиной»¹⁰. Данная эволюция большевизма отразилась в смене тех концепций «советской демократии», которые представлены в ходе конституционных дебатов.

Миф Государства-Коммуны был положен в основу разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 года, принятой в качестве альтернативы распущенному Учредительному собранию. Все проекты Конституции, предложенные большевиками и их левыми союзниками, отталкивались от этого мифа или, во всяком случае, подразумевали его. Политическим выражением данной теоретической конструкции в их представлении становилась Трудовая республика или Рес-

публика Советов, предполагавшая (в отличие от всех форм парламентаризма) прямую передачу власти так называемым «трудящимся массам»¹¹. Формой ее осуществления должны были стать новые институты — Советы, спонтанно возникшие учреждения, выражавшие традиционалистские стереотипы сознания населения аграрного общества — уравнительно-распределительные установки крестьянской общины, восходящие едва ли не к отношениям родового быта. Социальный запрос на подобный тип организации власти вполне понятен — связан с психологической трудностью прямого перехода от самодержавия к парламентаризму в России, минуя переходные формы. Советы с их регулируемой степенью народного представительства могли удачно «вписаться» в политическую систему переходного общества — без превращения в гипертрофированные институты государственности¹². Ни одна российская политическая партия (включая умеренных левых — меньшевиков и эсеров) всерьез не рассматривала Советы как полноценную альтернативу парламентаризму: их считали в лучшем случае инструментом воздействия на «буржуазное» Временное правительство. Такова же была позиция западной социал-демократии и ее адептов в России.

Большевики, доктринально поддерживавшие передачу власти Учредительному собранию, в ходе революции относились к Советам также чисто инструментально, выдвигая и снимая лозунг о передаче им власти в соответствии со степенью собственной поддержки. В самом большевизме, как показывают внутривнутрипартийные споры накануне Октябрьского переворота, не было единства взглядов на предназначение Советов: одни считали их единственно возможным, другие — параллельным или вспомогательным институтом будущей власти. Используя Советы для легитимации Октябрьского переворота и роспуска Учредительного собрания, большевики увидели в них прекрасный инструмент массовой мобилизации и сохранения своего господства. Однако Ленин и его окружение, за-

⁷ Миллюков П. Н. История второй русской революции. София : Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 11.

⁸ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. С. 26, 101–102.

⁹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. С. 165–208.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. 5-е изд. М. : Политиздат, 1981. С. 6, 24–26.

¹¹ См.: Медушевский А. Н. Миф Коммуны и становление советского государства: к переосмыслению Конституции РСФСР 1918 года // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 121–140.

¹² См.: Anweiler O. Die Rätebewegung in Russland. 1905–1921. Leiden : Brill, 1958.

хватившие власть, но не имевшие (в отличие от кадетов) готового проекта конституционных реформ и государственного строительства, столкнулись с аморфностью «советской демократии» и необходимостью ее переустройства. Принципиален оказался вопрос о том, что такое Советы как институт власти, каков порядок их формирования, как соотносятся они с другими формами «непосредственной демократии» — профсоюзами, революционными комитетами и партийными структурами.

В ходе разработки Конституции РСФСР 1918 года идея Республики Советов рассматривалась в трех принципиально различных интерпретациях: как выражение коммунистического самоуправления; как эрзац представительных учреждений и как централизованно выстроенная вертикаль власти. Стремление совместить концепции рабочей и советской демократии составляет содержание начального этапа деятельности Конституционной комиссии ВЦИК по выработке Советской Конституции и выражается в ряде гибридных проектов (в которых Советы отождествляются с производственными коммунами).

Модели коммунистического самоуправления представили эсеры-максималисты, синдикалисты и коллегия Наркомюста. Модель, представленная в Конституционной комиссии эсерами-максималистами, выстраивалась исключительно под влиянием идеи «государства-коммуны» и поэтому в наибольшей степени была «окрашена» коммунистическим утопизмом. Создатели модели описывали ее следующим образом. «Организация общественной власти или самоуправления трудовой республики строится на началах объединения и представительства всех политически правоспособных членов общества (с соблюдением прав меньшинства посредством применения принципа пропорциональности)»¹³. Высшим органом власти является Всероссийский съезд Советов — «съезд представителей местных Советов и центральных и областных советских организаций», включая органы профсоюзных, кооперативных, куль-

турных организаций и «политических организаций, стоящих на точке зрения Советской власти». В его компетенцию входит «решение важнейших вопросов жизни трудовой республики; выработка заданий и директив ЦИК и утверждение состава центральных ведомственных коллегий (комиссаров); исключительное решение вопросов войны и мира». Съезд, по образцу секций Парижской коммуны, разбивается на коллегии-комиссии «с правом полного контроля всех органов центральной власти». ЦИК является в промежутках между съездами заместителем съезда и высшим после него органом республики, в компетенцию которого входит решение вопросов законодательной, исполнительной и судебной власти. ЦИК формирует правительство — Совет центральных коллегий (утверждаемый Съездом) и наделяется «прерогативой запросов к нему или отдельным центральным ведомствам, коллегиям которых самостоятельно выбирают и смещают своего председателя. Собрание председателей коллегий образует президиум Совета центральных коллегий»¹⁴.

Сходная концепция структуры институтов власти была представлена в синдикалистских «Статьях проекта Конституции» приват-доцента Н.Н.Ренгартена¹⁵. Как в них определено, Всероссийская Трудовая и Союзная Республика есть «свободный союз организованных в федерации трудящихся», высшим органом власти в котором является Верховный Союзный Конгресс, состоящий из представителей от каждой из основных профессиональных федераций. Каждый гражданин Республики может внести в Верховный Конгресс проект законодательного мероприятия, подлежащего его ведению. Высшая исполнительная власть Союза осуществляется правительством — Союзным Советом, который «осуществляет свою власть до тех пор, пока пользуется доверием Конгресса». Высшим контрольным органом выступает Верховный Трибунал, состоящий из председателей каждой из основных профессиональных федераций и наделенный правом отмены всех законов, несогласных с интересами отдельных

¹³ Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро Союза социалистов-революционеров-максималистов // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 7. Здесь и далее сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

¹⁴ Проект основ Конституции трудовой республики // Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 8–9.

¹⁵ Ренгартен Н.Н. Статьи проекта Конституции // Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 10–12.

профессиональных федераций (для отмены закона достаточно заявления протеста всех членов, представляющих отдельную федерацию). Местное управление осуществляется Губернскими собраниями, состоящими из представителей профсоюзов пропорционально численности их членов, а контроль за исполнением постановлений этих собраний осуществляет Губернский Трибунал (из представителей профсоюзов), имеющий «право отмены всех постановлений, несогласных с интересами отдельных профессиональных союзов».

Коммунистические идеалы трудовой республики, призванной обеспечить всеобщее равенство и положить начало «Мировой федеративно-демократической республике», находили выражение в анархических идеях «общинно-группового социализма». Их институциональным выражением становились различные проекты о корпоративистских и муниципальных институтах, — региональных «Советах демократии» (коллегияльных органах народного самоуправления), объединенных центральной властью — Трудовыми палатами, одна из которых избирается от населения, а другая — от корпораций (профсоюзов, кооперативов и иных союзов)¹⁶.

Идею федерации как совокупности региональных коммун — социально-экономических союзов отстаивал в своем проекте М. А. Рейснер¹⁷, доказывавший, что она несколько не противоречит идее сильной диктатуры пролетариата¹⁸. С этих позиций Рейснер отвергал и чисто синдикалистский подход Н. Н. Ренгартена, и национальный принцип построения федерализма во имя производственно-классового принципа¹⁹. Опираясь на теорию кор-

поративизма Л. Дюги, он интерпретировал «союз трудящихся» как производственно-территориальную федерацию, верховная власть в которой принадлежит Советам и их съездам различного уровня (волостным, уездным, городским, губернским, областным, центральным) во главе с Всероссийским съездом Советов²⁰.

Компромиссная позиция (с учетом мнения централистов) отражена в альтернативном проекте Конституции РСФСР, разработанном позднее в коллегии Наркомюста под редакцией М. А. Рейснера и А. Г. Гойхбарга. Его авторы стремились совместить единую централизованную систему советских институтов с установлением жестких конституционных рамок их деятельности и расширением прерогатив местных Советов²¹. В проекте отсутствуют (!) упоминания о «диктатуре пролетариата», дается определение федеративного принципа государственного устройства как «единого и неразрывного союза Советов», который мог расширяться «по мере установления в других странах социалистической Советской власти», предусматривается проведение принципа децентрализации власти на местах. Отказываясь от принципа разделения властей (прокламируется единство законодательной и исполнительной власти, отсутствует независимая судебная власть), создатели проекта в то же время стремились создать ему некоторую замену, максимально ограничивая прерогативы центральных органов власти: высший орган власти — Съезд Советов, образуемый из депутатов местных Советов, устанавливает продолжительность и порядок своей деятельности, принимает бюджет и структуру налогов, осуществляет общий законодательный контроль, однако он не может восстановить частную собственность на землю или провести денационализацию банков, приостановить вооружение рабочего населения, отменить ограничения избирательных прав, отделение церкви от государства и школы, пересматривать нормы о национальном угнетении или право убежища для иностранцев, подвергающихся политическим преследованиям и, что особенно знаменательно,

¹⁶ См.: Демократическая радикально-социалистическая платформа (Подробный план очередной исторической работы демократии): Доклад И. И. Филюнина в Комиссию ЦИК по выработке Конституции Советской Республики (Саратов, 30.10.1917 — 04.01.1918) // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 16. Л. 3—33 об.

¹⁷ См.: Проект Конституции Российской Федеративной Социалистической Советской Республики // Известия ВЦИК. 1918. 12 апреля. № 72, а также: Советская власть и федерация (К вопросу о Конституции) // Известия ВЦИК. 1918. 17 апреля. № 76.

¹⁸ См.: Работы второй подкомиссии по вопросам Конституции // Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 1—3.

¹⁹ См.: Об основных началах Конституции РСФСР. Республика: Доклад члена Комиссии М. А. Рейснера // Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 20—35.

²⁰ См.: Проект резолюции по общим приемам члена Комиссии М. А. Рейснера // Ф. 130. Оп. 2. Д. 89. Л. 1—2.

²¹ Проект М. А. Рейснера и А. Г. Гойхбарга см.: Известия ВЦИК. 1918. 1 июля. № 134.

«издавать законы, в которых устанавливалось бы назначение обязательной смертной казни за какое бы то ни было преступление»²².

В указанном проекте вводился достаточно жесткий порядок пересмотра Конституции: «Никакой закон, декрет, положение, устав, инструкция или иной законодательный либо правительственный акт не может быть издан в отмену настоящей Конституции». Все эти положения могут быть изменены или дополнены «лишь в порядке изменения настоящей Конституции», инициатива пересмотра которой предполагает участие всех институтов Советской власти и может исходить от избирателей, имеющих право выбора в Советы; местных Советов и их съездов; ВЦИК, СНК и депутатов Всероссийского съезда за подписью по крайней мере 50 лиц (что в текущей ситуации первой половины 1918 года означало необходимость добиться согласия основных партий, представленных в Советах). С другой стороны, существенные ограничения накладывались на правительственную власть. Так, ВЦИК избирает из своей среды рабоче-крестьянское правительство — СНК и его председателя, может отзывать его частично или в полном составе. ВЦИК и его Президиум контролируют законодательную деятельность правительства: «Все законы и акты» правительства «могут быть отменены, изменены или дополнены постановлениями ВЦИК». основополагающим принципом выступает «коллегиальное устройство» правительства, оно «обязательно и для всех иных учреждений, которые приравнены к народным комиссариатам». Местные Советы (и их съезды) наделяются большими полномочиями — могут инициировать созыв чрезвычайного съезда Советов (по инициативе одной трети своего состава) и «самостоятельно определяют избирательное право рабочего населения», однако в случае нарушения конституционных норм «лишаются права представительства на съездах» и могут быть распущены ВЦИК.

Эти ограничения рассмотренного проекта были не способны в принципе предотвратить узурпацию власти, но могли бы оттянуть ее наступление, а потому не были поддержаны

большевистским руководством Конституционной комиссии во главе с Я. М. Свердловым. Определенные уступки оппозиции в критических условиях борьбы за власть были немедленно отменены сразу после устранения левых эсеров из правительства.

В силу своей неопределенности (в ней отсутствовало четкое понимание единицы административного управления) коммунистическая (анархо-синдикалистская) конструкция была отвергнута и заменена концепцией единой вертикали советских институтов. Трансформировав идею государства-коммуны в концепцию республики Советов, авторы Конституции заложили институциональную основу для социальной мобилизации, которая опиралась на систему традиционалистских институтов (Советы), стереотипов сознания (коллективизм и патернализм), вывода реальный механизм власти и принятия решений из сферы конституционного контроля.

2. Советы как институт представительной демократии

Концепция Советов как своеобразного аналога представительных учреждений получила наиболее четкое выражение в проекте под названием «Оглавление учреждения Советов» члена специальной подкомиссии коллегии Наркомюста левого эсера А. А. Шрейдера и представлена в итоговом документе ее деятельности²³. Этот документ, отражая влияние предшествующего земского законодательства, отличался вниманием к тем вопросам, которые были наиболее чувствительны для большевиков и эсеров после разгона Учредительного собрания²⁴. Этим объясняется подчеркнутое обращение к юридической стороне дела — определению статуса, структуры, компетенции центральных и местных институтов Советской власти, порядка выборов в волостные, городские, уездные и губернские Советы депутатов трудового народа, соотношению активного и пассивного избирательного пра-

²² Конституционный проект Отделения права Народного комиссариата юстиции // Ф.130. Оп.2. Д.30. Л.8–27.

²³ См.: Оглавление учреждения Советов: проект, предложенный тов. Шрейдером // Ф.6980. Оп.1.Д.3. Л.37–43.

²⁴ См.: Медушевский А.Н. Учредительное собрание и конституционные альтернативы России в 1917 году // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 4–23.

ва, определению сроков, полномочий и круга ведения Советов, а также инструментам обжалования принятых решений²⁵.

В проекте Шрейдера Советы выступают как реальные органы власти в центре и на местах, к ведению которых отнесены вопросы революционного социального переустройства: землеустройство, контроль за частной промышленностью и торговлей, заведывание взысканием и поступлением налогов и исполнением повинностей, формированием и обеспечением Красной Армии. Наряду с этим в компетенцию Советов передаются фактически все основные функции старых земских учреждений: попечение о просвещении (устройство школ, лекции, распространение сельскохозяйственных познаний); принятие мер к охране личной и общественной безопасности и порядка, заведывание милицией; попечение о благоустройстве в населенных местностях (дороги, пути сообщения, почта, телефон); принятие мер к охране народного здоровья (содержание лечебных заведений, санитарные меры, охрана труда, жилищные нужды); заведывание взаимным государственным страхованием граждан от старости, увечья и болезни; оказание юридической помощи. В подведомственных им делах советские учреждения действуют самостоятельно, однако всякое их решение может быть приостановлено решением вышестоящего Совета. Советы получают «право именем Российской Республики на основании общих гражданских законов отчуждать и приобретать в пользование имущество» и «отвечать на суде по имущественным делам». «Дела в собрании Совета и их отделов решаются простым большинством голосов присутствующих членов. В случае равенства голосов при открытом голосовании голос председателя дает перевес, при закрытом — предложение считается отклоненным. Все постановления Совета и его отделов вносятся в журнал и скрепляются подписями членов собрания. Все постановления Совета, годовые отчеты об их деятельности, смета и раскладка сообщаются в копиях советским учреждениям высшего порядка: волостными Советами в уездный и губернский, уездными в губернский и областной»²⁶.

²⁵ См.: Документы подкомиссии (Шрейдера) о Советах // Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 17–43.

²⁶ Там же. Л. 19–23.

Структура центральных органов власти в проекте Шрейдера напоминает о парламентаризме и включает определенные механизмы разделения их функций и взаимного контроля. Высшим органом власти выступает Всероссийский съезд рабочих, солдатских, казацких, крестьянских, батрацких и иных трудовых депутатов, который вызывает ассоциации с Учредительным собранием, поскольку действует фактически постоянно (созывается не реже одного раза в три месяца), устанавливает сам продолжительность своей сессии; может назначить время и место следующего очередного съезда, собирается на внеочередной съезд по требованию половины общего числа губернских и городских Советов. ВЦИК, осуществляющий верховную власть между съездами, действует на многопартийной основе, поскольку «избирается на общем собрании съезда всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием из среды депутатов, пропорционально числу членов каждой фракции». Съезд избирает правительство РСФСР — СНК и назначает его председателя. Таким образом, «СНК в целом и каждый член его в отдельности ответствен перед съездом или Исполнительным Комитетом»²⁷.

Данный проект, естественно, не мог быть принят ленинским большинством в Комиссии и был отвергнут как слишком «парламентский» и «мелкобуржуазный». После восстания левых эсеров 6 июля 1918 года Шрейдер (уже после утверждения Конституции) выступил с новым проектом, демонстрируя тем самым неприятие большевистской Конституции²⁸. Этот проект, написанный Шрейдером в тюрьме и изданный затем за границей, вызвал характерную отповедь Г. С. Гурвича: опыт показывает, заявил он, «что в борьбе против непрошенных прожектеров существует лишь одно действительное средство — Бутырки» (имелась в виду центральная тюрьма)²⁹.

В рамках концепции единой вертикали советских институтов предметом обсуждения стали вопросы горизонтальной (территориальной) и вертикальной (иерархической)

²⁷ Высшие органы власти // Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 25–27.

²⁸ См.: Шрейдер А. Федеративная советская республика // Республика Советов. Берлин ; Милан: Скифы, 1920.

²⁹ Гурвич Г. С. История советской Конституции. М.: Изд. Соц. академии, 1923. С. 16.

структуры Советов, порядка их ранжирования (уровни компетенции), формирования (избирательная система) и функционирования — взаимоотношений с другими (регулярными и чрезвычайными) органами власти. Однако уже в процессе институционализации Советов стали очевидны их слабые стороны: во-первых, оказалось, что они не могут быть аналогом представительных учреждений (сам принцип был отвергнут); во-вторых, выяснилась их институциональная громоздкость (отсутствие механизма принятия решений); в-третьих, проявилась их функциональная недееспособность в условиях необходимости быстрого принятия решений (невыполнение решений и делегирование ответственности).

3. Советы как институт революционной диктатуры

Советская система столкнулась с целым рядом практических вызовов — экономических, политических и административных. К экономическим вызовам относится возникновение натуральной и распределительной экономики, ставшей результатом доктринальных коммунистических принципов, а также следствием войны и огосударствления экономики. К политическим — стремление большевиков к максимизации контроля над управлением как через формальные квазигосударственные, так и через все негосударственные (общественные, профсоюзные, кооперативные, творческие и подобные организации и союзы) структуры. Административным вызовом стала необходимость принятия быстрых и безапелляционных решений в условиях военного коммунизма, гражданской войны и борьбы с внешним окружением.

Преобладанием централистских настроений характерен проект Щепанского «Краткая схема Конституции»³⁰. «Купаясь в огне революции» и «отдавая душой работе в совдепах», этот фанатичный коммунист считал, что «вполне понял их характер и назначение в дальнейшей борьбе за окончательное освобождение пролетариата от экономиче-

ского ига». Его не устраивала аморфность новых институтов власти (отсутствие «между Советами определенной симметричности или связи»), которая делает их нежизнеспособными. В этих условиях «безжизненно звучит официальное постановление о создании коммунистического общества (Петроградская коммуна), ибо, прежде чем постановить создать коммуно, нужно выйти на улицу и посмотреть, как спекулянт, тунеядец, буржуй едет на лихаче в гастрономическую и покупает там массы лакомств, а рядом с этим печально тянутся по улице полуголодные пролетарии». Выход усматривался в создании «могучего рабоче-крестьянского государства, которое приведет пролетариат к коммуно». Для этого необходимо создать единую централизованную систему Советов — «разделить их градациями подчиненности, определить их характер, построить где их нет, дабы вся Советская республика представляла ассоциацию Советов в виде конуса, конечной точкой и мозгами которого был Центросовдеп. Кроме того, нужно создать исполнительный аппарат, который бы быстро и энергично проводил от центра все повеления».

Щепанский выстраивает предельно иерархизированную вертикаль советских институтов снизу доверху, организуемую на основе многоступенчатых выборов от различных территориальных образований: сельские (избираемые сельским сходом); местечковые, городские (организуются путем выборов депутатов по установленной норме представительства); волостные (организуются на съезде представителей от сельских совдепов волости); уездные (съезд представителей волостей, местечек, городских совдепов); губернские (путем съезда представителей уездных и городских совдепов); областные и краевые (съезд представителей губернских, городских, уездных совдепов). Во главе этой вертикали стоит Центросовдеп или «рабоче-крестьянский парламент Республики», который «является наивысшим органом власти, объемлющим все пространство Республики. Декреты Центросовдепа обязательны для всех граждан и Совдепов Республики. Центросовдеп назначает исполнительный орган, высший народный суд Республики, ведет переговоры с иностранными державами, входит и заключает разного рода обязательства с этими державами, объявляет войну, заключает мир».

³⁰ Схема Конституции, составленной членом компартии тов. Щепанским (прислано в Комиссию по выработке советской Конституции из отдела местного управления НКВД 25 мая 1918 г. Документ датирован 14 мая 1918 г.) // Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 5—17.

Центросовдеп «пользуется неограниченной властью в Республике», обладает «правом роспуска любого Совдепа Республики». Данный институт, имеющий сходство с Конвентом, организуется путем съезда представителей от краевых, губернских, уездных и крупно-городских Совдепов, «комитетов центральных политических партий, стоящих на платформе Советской власти» и от центральных профессиональных союзов. Ему всецело принадлежат: законодательная власть, назначение исполнительной власти — Совнаркома и контроль за деятельностью комиссаров, которые «проводят в жизнь декреты Центросовдепа» и в любой момент «могут быть лишены полномочий и преданы суду декретом Центросовдепа». Вся иерархия комиссаров — от областного до уездного уровня — соответствует структуре совдепов. Судебная власть также находится в полном подчинении Центросовдепа. Высший народный суд «организуется путем выбора из среды депутатов Центросовдепа и Областного Совдепа, Комиссара юстиции и назначенных Центросовдепом лиц из среды юристов по представлению Комиссара юстиции. Этому органу подведомственны все судебные учреждения Республики, орган этот организует судопроизводство Республики». Соответственно иерархии Совдепов создаются иерархия народных судов и их компетенция. «При определении наказания суды руководствуются совестью», причем «приговоры с предельными наказаниями, во избежание лишней волокиты... обжалованию не подлежат и приводятся в исполнение»³¹.

Точка зрения большевиков и прежде всего их концепция места Советов в политической системе представлена в инициативных документах Наркомата внутренних дел. В конспекте организатора красного террора М. И. Лациса «О Советской власти» еще чувствуется влияние земского законодательства (сравнение волостного исполкома с земской управой, а городского Совета — с городской думой), однако оно носит (в отличие от проекта Шрейдера) скорее внешний характер.

Решающий поворот в направлении большевистской концепции произошел на первом пленарном заседании Комиссии, где были одобрены тезисы И. В. Сталина «О типе фе-

дерации Российской Советской Республики»³². Они легли в основу представленных им «Общих положений Конституции», утвержденных в качестве общего руководства работ Комиссии³³. В основе данного подхода, представленного в плане Советской Конституции (Ю. Стеклова)³⁴, — рассмотрение РСФСР как федерации национальных образований, интересы которых представляют соответствующие Советы, а последние объединяются воедино концепцией диктатуры. Позиция Сталина выражала точку зрения Ленина, не принимавшего непосредственного участия в работе Конституционной комиссии, но внимательно наблюдавшего за ней, и состояла в отрицании «вакханалии федерализма», вытекающей из проекта Рейснера, принятии идеи национальной структуры федерализма вместо территориальной с выстраиванием унифицированной системы советских институтов³⁵. Суть тезисов Сталина, противопоставленных большевиками эсеровским проектам, заключалась в обосновании диктатуры и жесткой централизации власти как временной меры, рассчитанной на переходный к бесклассовому обществу период.

Неэффективность ленинской концепции Республики Советов как аналога Коммуны была очевидна уже в момент ее появления на свет. Во-первых, отмечал А. А. Богданов, в отличие от Парижской коммуны, она опиралась не на всеобщие выборы, а на куриальную и многоступенчатую их систему, отсекавшую целые слои населения; во-вторых, «как постоянный государственный порядок эта система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодна», в-третьих, «какое же это “государственное устройство”, при котором решающее голосо-

³² О типе федерации Российской Советской Республики (тезисы Сталина) // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.

³³ Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной Республики (проект Сталина) // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 81. См. также: Общие положения Конституции (проект И. В. Сталина) // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³⁴ План Советской Конституции (за подписью Стеклова) // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

³⁵ Спор Рейснера и Сталина см.: Стенограмма заседаний Комиссии от 19 апреля 1918 г. с приложением проектов общих положений Конституции РСФСР Сталина и других членов Комиссии // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–10.

³¹ Схема Конституции, составленной членом компартии тов. Щепанским... Л. 16.

вание по самой конституции проводится с оружием в руках?» В ленинской модели государства-коммуны и ее конституционном воплощении в виде Республики Советов он усматривал проявление «донаучного ребяческого коммунизма» и «господство голой демагогии». При реализации этого плана, полагал Богданов, «судьба русской коммуны оказалась бы такой же, как и Парижской»³⁶. Длительные усилия найти оптимальную структуру Советов демонстрируют трудность правовой позитивации отправных идеологических установок, противоречивость концепций институционализации советского принципа, неясность того, в какой мере советы могут выполнять действительные функции управления.

4. Советы как институт управления: разделение функций и механизм принятия решений

В ходе дебатов в Комиссии о системе Советов центральными стали вопросы их унификации (единого обозначения), порядка их формирования (выборов и многопартийности), соотношения законодательной и исполнительной власти (ЦИК и СНК), а также обеспечения баланса принципов коллегиальности и единоначалия в деятельности Советов всех уровней. Разработчики Конституции 1918 года, констатировал Ю. Стеклов, вообще плохо представляли, что такое «советский строй как первый в государственном масштабе опыт социалистического строительства», как должна выглядеть конструкция центральных и местных Советов, а главное — каково их соотношение с принципом федерализма³⁷.

Унификация новых институтов требовала терминологического единства в их обозначении — определения соотношения понятий «совдепы» и «Советы». При обсуждении проекта «О российских Советах»³⁸ его автор Лацис констатировал, что различие имеет чисто исторический характер, поскольку сначала

использовали первое понятие, затем второе (из-за его целесообразности для сельских сходов, где нет совдепов, но есть Советы). По мнению же Ю. М. Стеклова и А. И. Бердникова, Советы — это и есть совдепы (и этим понятием нельзя определять мирские и сельские сходки в деревне), причем на практике эти понятия практически неразличимы. Принципиальную позицию занял Шрейдер, противопоставлявший Советы как представительные учреждения другим институтам непосредственной демократии: «Всякое собрание граждан не может быть названо Советом, потому что только избранные могут составить Совет, иначе вы делаете два разряда: один низший, другой высший, один имеющий мандаты и состоящий из полномочных представителей, другой — сам пришедший». Итог спору подвел Я. М. Свердлов: понятие «Советы» должно быть принято в силу его закрепленности в массовом сознании, не различающем юридических тонкостей, а создание единой структуры учреждений (когда в сельских местах создаются исполком и президиум) есть «роскошь неслыханная»³⁹. Эти идеи получили развитие в проекте «Декларации прав и обязанностей трудящихся», где их освобождение и самоопределение однозначно связывалось с объединением в Советы соответствующего сословного профиля — рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов⁴⁰.

Порядок формирования Советов обсуждался в Комиссии в связи с принятием подготовленного подкомиссией Лациса, Гурвича и Бердникова раздела Конституции об избирательной системе⁴¹. Этот вопрос был выдвинут эсерами, которые настаивали на расширении избирательной системы и инициировали ряд документов, обеспечивавших юридическое закрепление многопартийности представительства⁴². Характерен протест Шрейдера (от имени левых эсеров) против исключения из

³⁹ Там же. Л. 3–4.

⁴⁰ См.: Проект декларации прав и обязанностей трудящихся (принятый Комиссией) // Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 2.

⁴¹ См.: Проект Положения о Российских Совдепах и другие материалы Третьей подкомиссии по выработке Советской Конституции (Бердников, Гурвич, Лацис) // Ф. 130. Оп. 8. Д. 159.

⁴² См.: Выписка из протокола заседания СНК от 6 ноября 1917 г. о регулировании представительства фракций в ЦИК // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

³⁶ Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 405.

³⁷ См.: Стеклов Ю. Конституция Советской России // Известия ВЦИК. 1918. 4 апреля. № 65.

³⁸ Стенограмма заседания Комиссии от 19 июня 1918 г. с приложением проекта «О российских Советах» (проект подкомиссии Лациса и Бердникова) // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–13.

выборщиков лиц, занятых ведением домашнего хозяйства, и ряда других категорий, представлявших общественные организации и партии. Однако большинство членов Комиссии было озабочено главным образом проблемой предотвращения проникновения в Советы классово чуждых элементов. Согласно этой логике, которую отстаивали Свердлов, Лацис и В. А. Аванесов, «не всякая профессиональная организация должна посылать своих представителей в Совет», а только те, которые «стоят на точке зрения Советской власти»: следует «политические партии и кооперативы исключить совершенно», поскольку их представители «сейчас могут влиться в Советы и перевернуть Советы». Дискуссия была фактически свернута, поскольку резюмировал Свердлов, «у нас нет представителей фракций»⁴³.

Вопрос о соотношении законодательной и исполнительной власти (как должны соотноситься Съезд, ЦИК (и его отделы), СНК, отдельные наркоматы, система местных учреждений и кто должен осуществлять контроль над ними) обсуждался в обстановке последовательного отрицания разделения властей. В Комиссию были внесены предложения о сосредоточении законодательных функций в одном институте — ВЦИК, подразделенного на две палаты — Большой и Малый Советы⁴⁴ (в исключительную компетенцию которых входит принятие декретов), с одновременной отменой СНК и передачей его функций особым комиссиям или отделам ЦИК⁴⁵, либо ЦК. Этот подход, вполне соответствовавший утопии «государства-коммуны», отстаивался левыми коммунистами и эсерами, но не мог быть принят большевиками, так как означал «страшную ломку» существующих институтов и неизбежный конфликт с левыми эсерами (Стеклов). Стремясь избежать обсуждения вопроса по существу, Свердлов заявил, что тот уже был рассмотрен на заседании ЦК и, по мнению Ленина, его «следует снять с порядка дня ввиду того, что Конституция в целом не готова». Он предложил на этом этапе принимать Конституцию

по частям, а вопрос о Советах обсудить на ближайшем съезде⁴⁶.

Обсуждаемый Комиссией вопрос о *принципе принятия решений в советских институтах* (должны они действовать на основе коллегиальности или единоначалия — министерский принцип), так и остался нерешенным. Конституирован «хаотическое положение» в государственном управлении, работчики в духе революционной риторики вначале попробовали последовательно провести коллегиальный принцип, но, столкнувшись с «путаницей» и параллелизмом в деятельности советских учреждений, вынуждены были «умерить» коллегиальность и согласиться с введением некоторых форм единоначалия⁴⁷. Для того чтобы установить взаимодействие всех советских учреждений, «начиная с самого верха до самого низа», и обеспечить «тесную связь широких кругов с советской работой», предполагалось выстроить систему отношений между ЦИК, его комитетами и Советами, обеспечив иерархическое «соотношение центральных, губернских, уездных и областных аппаратов»⁴⁸. В этой системе правительство выступало как «средний аппарат» — посредник в отношениях Советов разного уровня, а сами эти отношения все более соответствовали принципу единоначалия.

Дебаты по этим ключевым вопросам в Конституционной комиссии стали возможны в силу ее многопартийного состава, а решения по ним предполагали достижение компромисса с оппонентами большевиков — левыми эсерами. Основной проект Конституции, подготовленный Комиссией ВЦИК к V съезду Советов, еще носил следы этого компромисса⁴⁹. Однако после подавления мятежа левых эсеров 6 июля 1918 года проект подвергся ревизии и был принят съездом уже в измененном виде⁵⁰. Советы получили

⁴³ Стенограмма заседания Комиссии от 19 июня 1918 г. // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–16.

⁴⁴ См.: Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 11–14.

⁴⁵ См.: Проекты, не рассмотренные Комиссией ЦИК // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

⁴⁶ См.: Стенограмма заседания Комиссии от 26 июня 1918 г. // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 51–53.

⁴⁷ См.: Там же. Л. 54.

⁴⁸ Прения по вопросу об СНК: Стенограмма заседания Комиссии ВЦИК от 26 июня 1918 г. // Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 57–59.

⁴⁹ Основной проект Конституции // Известия ВЦИК. 1918. 5 июля. № 138.

⁵⁰ Проект Советской Конституции, представленный 5-му съезду Советов в измененной редакции // Известия ВЦИК. 1918. 10 июля. № 143.

иерархическую и централистскую интерпретацию, исключавшую даже намек на разделение властных функций. Окончательный вариант Конституции закрепил за СНК как исполнительные, так и законодательные функции⁵¹. Позднее этот принцип лег в основу проекта об организации Малого Совнаркома — технического института, сформированного из представителей советских ведомств при СНК для предварительного рассмотрения бюджета и всех «дел законодательного и административного характера, вносимых в него ВЦИК, Совнаркомом, отдельными Наркоматами и другими учреждениями и лицами, в соответствии со статьями 37—41 Советской Конституции»⁵². Документ был подписан председателем СНК Лениным 1 июня 1920 года. Круг замкнулся: ВЦИК как законодательный институт оказался полностью зависим от большевистского правительства.

Процесс создания первой советской Конституции проходил под партийным контролем. Поручение о ее разработке дал III Всероссийский съезд Советов при утверждении резолюции «О федеративных учреждениях Российской республики». ВЦИК образовал Конституционную комиссию под руководством Свердлова. Текст проекта Конституции РСФСР, разработанный этой Комиссией, не был окончательным. Его передали на обсуждение специальной комиссии ЦК РКП(б) под председательством Ленина. Дополнения и изменения к проекту Конституции, выработанные ЦК РКП(б), были внесены в Конституционную комиссию ВЦИК. С их учетом проект был передан V Всероссийскому съезду Советов. Тот в свою очередь создал Редакционную комиссию для предварительного рассмотрения проекта. После внесения дополнительных поправок съезд 10 июля 1918 года утвердил Конституцию РСФСР⁵³. В окончательной редакции (после подавления мятежа левых эсеров 6 июля 1918 года), отмечал Г. С. Гурвич, из официального проекта Кон-

ституции «исчезли тайное голосование, партийные списки и пропорциональность выборов, особенно странная при диктатуре пролетариата»⁵⁴.

Следствием централизации управления стали процессы реструктуризации Советов по ряду направлений — их укрупнение (для удобства контроля); иерархизация (по разным направлениям), унификация их состава (за счет вытеснения представителей других партий или оппозиционных фракций), бюрократизация (выстраивание системы отделов, исполкомов и президиумов, приобретавших самостоятельное значение); милитаризация (введение военной дисциплины) и выстраивание жесткой иерархической вертикали (подчинение отделов соответствующим наркоматам в рамках «главкизма»); замена Советов на практике чрезвычайными хозяйственными, исполнительными и карательными органами (ревкомами, комбедрами, военными комитетами, чрезвычайными комиссиями и ревтрибуналами)⁵⁵. Все управление характеризуется предельной централизацией и концентрируется в Совете рабоче-крестьянской обороны.

5. Советская модель государственности в сравнительной перспективе

Если антидемократический характер и неэффективность советской модели были очевидны еще при ее принятии, то чем тогда можно объяснить широкое распространение представления о демократичности советской системы в XX столетии? Ответ следует искать не в юридических дебатах, а в стереотипах социальной психологии обществ традицион-

⁵⁴ См.: Гурвич Г. С. История советской Конституции. М.: Изд. Соц. академии, 1923. С. 134.

⁵⁵ Эти тенденции раскрыты в советской историографии периода «Оттепели». См.: Морозов Б. М. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 г. — март 1919 г.). М.: Госполитиздат, 1957; Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 — июль 1918 г.). М.: Госюриздат, 1958; Калинин Г. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства. М.: ВЮЗИ, 1959; Чугаев Д. История создания и упрочения Советского государства. М.: АОН, 1964; Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917—1922). М.: Госюриздат, 1966; Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л.: Наука, 1973.

⁵¹ Резолюцию 5-го съезда Советов и дополнения к проекту см.: К выработке Советской Конституции // Известия ВЦИК. 1918. 11 июля. № 144.

⁵² Проект Конституции Малого Совета (26 мая 1920 г.) за подписью его Председателя М. Козловского // Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 244—244 об.

⁵³ См.: Аналитическая записка «О подготовке текста первой Конституции СССР» // Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 38—39.

ного типа. Советы стали основным институтом массовой мобилизации в традиционалистских обществах, вступивших на путь аграрной революции. Непосредственное заимствование этого института под влиянием большевистской революции характерно для стран Азии. В Китае уже на начальной стадии революции в коммунистической зоне была принята Конституция Китайской Советской Республики (1931) — прямой аналог Конституции РСФСР 1918 года⁵⁶. После принятия в 1924 году Конституции, разработанной по аналогии с советскими конституциями, Монголия превратилась в «страну хуралов» трудящихся. Во Вьетнаме с установлением коммунистического режима в 1948 году в основу институциональной структуры была положена многоступенчатая система «народных Советов»: в провинциях, городах и селах органами власти становились народные Советы, органами управления — избираемые народными Советами исполнительные комитеты; в областях и уездах избирались только исполнительные комитеты. Исполнительные комитеты областей избирались народными Советами провинций и городов, исполнительные комитеты уездов — народными Советами сел. В Бирме, Лаосе и Шри-Ланке интерес к подобным формам народовластия был связан с попыткой реализовать идею «буддийского социализма»⁵⁷. В Кампучии периода диктатуры «красных кхмеров» воспроизводилась маоистская институциональная схема эпохи «Большого скачка» и «Великой культурной революции», напоминая в свою очередь большевистский режим эпохи «военного коммунизма» с широким использованием элементов «советской демократии» — «сельскохозяйственных коммун», «трудовых армий» и концлагерей во имя «борьбы за рис», расчистки джунглей и строительства ирригационных сооружений, и закончившаяся превращением страны в большое кладбище. В целом подтверждается традиционалистская природа Советов: их деятельность повсюду определялась общинно-коллективистской психологией крестьянского населения, а

основные функции состояли в перераспределении земли и мобилизации населения в армию, массовом терроре против оппонентов и ограничении их политических прав (институт «лишенцев»), жестком контроле над ресурсами и социальным поведением населения (вплоть до санкционирования принудительного заключения браков без согласия сторон).

Создание институтов, генетически близких Советам, имело место во многих развивающихся странах Ближнего Востока и Африки, активно экспериментировавших в 60—70-е годы XX века с социалистической идеологией, иногда понимаемой не в русле учения Маркса и Ленина, но в ее народническо-анархистской версии (в стиле идей Герцена, Бакунина и Чернышевского)⁵⁸. Идеализация форм прямой народной демократии, будто бы способной адекватно выразить волю простого народа, была характерна для всех постколониальных политических движений, она нашла свое выражение в различных советах и комитетах по поддержке курса «радикальной демократии» и «антиимпериалистической» революции в Алжире, Ливии, Йемене⁵⁹. Эти революции, провозгласив социалистическую ориентацию, использовали советскую модель в качестве общего отправного ориентира, корректируя ее с учетом специфики исламского многоплеменного общества и целей авторитарных военных режимов. В режиме Ливийской Джамахирии, объявившей устами М. Каддафи о построении «исламского социализма», захват власти сопровождался созданием так называемых «народных комитетов». Отличие данного института от традиционных Советов усматривалось в степени их автономности от власти: комитеты объявлялись непосредственным выражением народного суверенитета, в то время как Советы были институтами, находящимися под контролем правительства, что вело к их бюрократизации и отклонению от демократического курса. Свои модификации институтов непосредственной

⁵⁶ См.: *Советы в Китае* : сб. материалов и документов : пер. с нем. М. : Партиздат, 1933.

⁵⁷ См.: *Юго-Восточная Азия в 70-е годы (социально-политические и идеологические проблемы)*. М. : Наука, 1979.

⁵⁸ См.: *Государство и право в развивающихся странах*. М. : Наука, 1976; *Новые конституции и конституционные реформы*. М. : Наука, 1978; *Революционные движения и империалистическая контрреволюция (70-е — начало 80-х годов)*. М. : Наука, 1987.

⁵⁹ См.: *Ланда Р.Г.* История Алжирской революции. 1954—1962. М. : Наука, 1983; *Герасимов О.Г.* Йеменская революция. 1962—1975 гг. М. : Наука, 1979; *Егорин А.З.* Ливийская революция. М. : Наука, 1989.

демократии возникли в тех странах Африки, где предпринимались попытки так называемой «общинной модернизации». Они представлены в различных народнических теориях «социализма»: кенийском «африканском социализме», танзанийском «общинном социализме» («уджамаа»), «замбийском гуманизме», ганском «нкрумаизме», нигерийском «прагматическом социализме», «дагомейском социализме», которые на деле означали создание квазидемократических институтов народной демократии, соотносившихся с перестройкой общинных и племенных отношений, созданием кооперативов, установлением автаркии и жесткого государственного контроля над экономикой, введением авторитарных однопартийных режимов с культом личности революционного лидера⁶⁰. В некоторых случаях (как, например, в ходе антимоноархической революции в Эфиопии) имели место попытки прямого заимствования революционным командованием советских институтов, включая Советы (шэнго), ревкомы (комитеты защиты революции), комбеды, крестьянские ассоциации и создание партии с целью ликвидации эксплуатации и немедленного водворения «научного социализма»⁶¹. В конституционном закреплении этими режимами (Алжира, Эфиопии, Бенина, Бирмы, Мадагаскара) Советов и революционных комитетов, действовавших под контролем революционной партии, советские авторы усматривали «зародыши» социализма и становления нового социалистического сознания⁶². Общая судьба этих политических систем хорошо известна: все они, претендуя на выражение национальной воли, завершились установлением репрессивных коррупционных режимов, павших в результате государственных (как правило, военных) переворотов. Сходные институты «народной власти» были представ-

лены в тех странах Латинской Америки, где революционные движения после прихода к власти заимствовали советские институты (Куба) или опирались на крестьянские «хунты» или военные комитеты различного типа в процессе партизанской борьбы (как, например, в Боливии).

Советская правовая и политическая литература, анализирувавшая эти эксперименты с позиций так называемого «научного коммунизма», отмечала элементы общинно-традиционалистской, конфессиональной, этнократической, трайбалистской природы этих институтов, но не допускала вывода об их полной имитационности, усматривая в них (вплоть до Тропической Африки и Океании) переходную форму к системе советского типа или даже прямой аналог ее ранних форм⁶³. Однако практика политического процесса XX века показала, что, во-первых, иллюзия «социалистического выбора» в конституциях самых остальных стран мира не подтверждается анализом социального содержания институтов непосредственной демократии (даже имеющих внешнее сходство с Советами); во-вторых, функции социальной мобилизации в традиционалистских обществах могут выполнять не только Советы, но и другие институты — религиозные (как, например, организации духовенства, подготовившие и осуществившие свержение шахского режима в ходе исламской революции в Иране 1979 года)⁶⁴, военные (Индонезия после свержения Президента Сукарно в 1965 году)⁶⁵, демократические (Индия) или авторитарные однопартийные режимы (например, режим революционно-институциональной партии в Мексике); в-третьих, стало ясно, что попытки прямого насаждения аналога советской системы в исламских странах (как показал, в частности, неудачный опыт афганской революции) имели ограниченный и кратковременный успех,

⁶⁰ См.: История Тропической и Южной Африки (1918–1988). М.: Наука, 1989; История Нигерии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1981; История Заира в новое и новейшее время. М.: Наука, 1982; История Ганы в новое и новейшее время. М.: Наука, 1985; История Кении в новое и новейшее время. М.: Наука, 1985 и т. д.

⁶¹ См.: Современная Эфиопия. М.: Наука, 1988.

⁶² См.: Чиркин В. Е. Государственный аппарат в странах социалистической ориентации: преодоление старого, становление нового // Государственный аппарат. М.: Наука, 1980.

⁶³ См.: Юдин Ю. А. Политические системы независимых стран Тропической Африки (Государство и политические партии). М.: Наука, 1975; Юдин Ю. А. Высшие органы государства в странах Тропической Африки. М.: Наука, 1980; Илларионов Н. С. Идеология и общественный прогресс в странах Тропической Африки. М.: Наука, 1978.

⁶⁴ См.: Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука, 1976.

⁶⁵ См.: Республика Индонезия. Политика, экономика, идеология (1965–1977). М.: Наука, 1978.

сталкиваясь с мощным проявлением консервативного религиозно-мотивированного протеста.

Для преодоления этих доктринальных трудностей в советской литературе была создана специальная политико-правовая категория «революционно-демократических режимов», отличительная черта которых (по сравнению с традиционными «буржуазными» режимами) усматривалась в отказе от принципов парламентаризма и разделения властей, замене их институтами советского или квазисоветского типа, интегрированных в режим революционной однопартийной диктатуры. Это позволяло поддержать ортодоксальный тезис о Советах как универсальной форме политического «самоопределения трудящихся». Универсальность этой формы, однако, заключалась в ретрадиционализации общества — отказе от рациональных принципов правового регулирования даже в тех минимальных формах, которые существовали в этих регионах в предреволюционный (постколониальный) период.

Советы в России, интерпретировавшиеся как альтернатива парламентаризму (Учредительному собранию), как невиданный высший тип демократических учреждений, на деле не были принципиально новым институтом, они присутствовали в истории крестьянских движений прошлого, начиная с советов солдат армии Кромвеля, и неоднократно воспроизводились в аграрных революциях XX века от Мексики и Испании до Китая и Вьетнама в форме различных «хунт», «комитетов» и т. п. Именно поэтому данная форма массовой мобилизации рассматривалась позднее Коминтерном как решающее условие победы аграрных революций в обществах традиционного типа⁶⁶, стала определяющей для всех стран социалистической системы («народных демократий»), некоторые из которых (Китай, Северная Корея и Куба) сохранили ее до настоящего времени. Не были Советы и формой непосредственной демо-

кратии (в силу классовых ограничений избирательного права и многоступенчатого порядка формирования). Наконец, Советы не стали полноценным институтом управления, поскольку их функция сводилась в основном к решению задач контроля, подавления, распределения и земельного передела.

Из трех основных моделей советской системы, представленных в дебатах Конституционной комиссии Свердлова в 1918 году: коммунистического самоуправления, представительной демократии и вертикали власти — не реализовалась в аутентичном виде ни одна. В основу была положена последняя (вертикали власти), как отвечающая задачам массовой мобилизации, унификации и централизации политической системы, а главное — установлению однопартийного господства. Советы были объявлены официальной доктриной представительными органами государственной власти, через которые осуществляется политическая власть трудящихся. Но на деле они не стали полноценными органами власти, их представительный характер был сведен к минимуму, а «трудящиеся» были последовательно отчуждены от политической власти. Формальное юридическое закрепление этой модели в Конституции РСФСР без упоминания неформальных институтов власти партии было предпринято по политическим и тактическим соображениям (в условиях борьбы с оппозиционными партиями), создавая иллюзию ее демократичности. Уже в начале формирования этой системы выяснилась полная непригодность Советов как институтов народного представительства, государственного управления и местного самоуправления.

Медушевский Андрей Николаевич — ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).

amedushevsky@mail.ru

⁶⁶ См.: Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М.: Наука, 2005.